

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Ж У Р Н А Л
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

КНИГА ВТОРАЯ
МАРТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. П. ЧЕХОВ. Затерянные произведения, неизданные письма, новые воспоминания, библиография. Под ред. М. Д. Беляева и А. С. Долиннина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Изд-во «Атеней». Л. 1925 г. Стр. 304.

Редакторы сборника в заключительных строчках своего предисловия говорят, что Чеховым, в виду того, что «последние два десятилетия литература протекала в стиле, противоположном его стилю», — занимались мало. «Предстоит время, когда внимание к его творчеству должно будет возрасти». Настоящая книга, надеются они, послужит к этому одним из толчков. Думается, что скрыта некая фальшь в основном выводе составителей сборника: мало занимались писателем, потому что литература шла в стиле, ему противоположном. Но ведь литература эта шла в стиле, скажем, противоположном и стилю Достоевского, а между тем последние годы отмечены огромным вниманием научных исследователей к творчеству Достоевского. Суть дела, значит, не в противоположности стилей эпохи и писателя. Да и не верно к тому же, что за два последних десятилетия мало у нас изучали Чехова: именно за эти-то двадцать лет, включая в их ряд и восьмилетие после Октября 1917 г., и появились работы с разных сторон, в том числе и с чисто формальной, вскрывавшие творчество А. П. Чехова. Мы не думаем, что собранный Долинниным и Беляевым

материал включает в себе такую ценность, которая как бы толкает исследователей к дальнейшему изучению Чехова. Но что в пестром их собрании есть страницы для исследователя любопытные это несомненно. Это «любопытное», мы находим, однако, не в тех «затерянных рассказах» самого Чехова, его «осколочного» периода (80-е годы — эпоха сотрудничества Чехова в юмористических журналах Москвы и Петербурга), которые извлечены М. Кленским из «Стрекозы» и «Осколков» за 1883—85 года. Это вещицы того фельетонного жанра, который уже как раз к этому периоду писательской жизни Чехова заметно тяготил его. За исключением, пожалуй, «Визитных карточек», в которых юный Чехов уже выступает мастером характеристики, остальные мелочи ничем не выделяются из той массы «много-и скорописания», на которое жалуется Чехов. Все это — продукт явно форсированной работы, в которой изредка мелькают искорки замечательного юмористического таланта Антоши Чехонте. Значительнее отрывки из того московского фельетона, который под названием «Осколки московской жизни» вел Чехов-Рувер (его псевдоним для этого жанра) в Лейкинском журнале.

Второй отдел сборника посвящен «Драматическим исканиям» Чехова. Здесь мы находим драму в одном действии Чехова «Татьяна Репина» и большую статью А. С. Долинина — «Пародия ли «Татьяна Репина» Чехова»? До сих пор «Татьяна Репина» Чехова, текст которой впервые был приведен в книге Мих. Павл. Чехова («Татьяна Репина. Чехов и актеры»), принималась исследователями как пародия на пьесу Суворина того же названия. Казалось установленным, что Чехов в том продолжении суворинской драмы, которую он дает в виде самостоятельной пьески, весьма тонко пародировал манеру и стиль А. Суворина. А. Долинин убедительно, как нам кажется, доказывает, что приемы Чехова, сказавшиеся в «Татьяне Репиной», — отнюдь не пародийные. Гротеск, чередование комического с лирическим и неправдоподобие положений — вот элементы, выступавшие в «Татьяне Репиной» очень ощутительно. Их соче-

тание и поиски совсем новой формы, развертывающей действие в разных плоскостях, — вот что создает «Татьяну Репину».

К Чехову драматургу возвращают и публикуемые в сборнике воспоминания А. И. Сувориной (жены редактора «Нового Времени») и Т. Л. Щепкиной-Куперник. А. И. Суворина рассказывает об одном из самых драматических моментов в «театральной» биографии Чехова — о провале «Чайки» в бывшем Александринском театре.

В воспоминаниях Т. Л. Щепкиной-Куперник много живых страниц, передающих как бы воздух той Москвы начала девяностых годов, которая так хорошо была знакома автору воспоминаний, — Москвы театральной богемы, во главе которой стояла завоевывающая себе славу известная Л. Б. Яворская. Чехов — частый гость этих молодых девиц, начинающих карьеру актрис, поэтесс и художников. Что-нибудь существенного для истории творчества Чехова этой поры из воспоминаний Щепкиной-Куперник извлечь трудно: любопытны здесь лишь некоторые штрихи, восстанавливающие отдельные фразы из «Чайки», фразы, запомнившиеся Чехову в гостининой Яворской. Для биографа Чехова небезынтересная подробность: Т. Л. Щепкина-Куперник упоминает о явном увлечении Чехова Яворской.

В отделе воспоминаний есть несколько страничек и А. Ф. Кони, рассказывающего о том же злополучном вечере представления «Чайки» и о своем знакомстве с Чеховым после его возвращения с острова Сахалина. В воспоминаниях, однако, нет ничего для биографа нового.

Значительная часть Сборника отдана неизданным письмам Чехова. Здесь впервые публикуются письма Чехова к М. О. Меньшикову. Письма эти охватывают довольно большой период с 1892 по 1901 гг. В них есть несколько ценных для исследователей Чехова подробностей: указание Чехова на то, что из «Мужиков» цензура «выхватила порядочной кусок»; передача Чеховым своего разговора с Л. Н. Толстым о бессмертии («Толстой признает бессмертие в кантовском виде, полагая, что все мы — люди и животные — будем жить в па-

чале — разум, любовь — сущность и цель которого для нас составляет тайну. Мне же это начало или сила представляется в виде бесформенной студенистой массы, такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его. И Лев Николаевич удивлялся, что я не понимаю его»).

Между прочим, в одном из писем к Меньшикову есть один штрих, долженствующий разрушить ту легенду о росте чеховского политического сознания, которую так охотно повторяют его биографы. Чехов пишет Меньшикову, что он послал повесть «В овраге» в журнал «Жизнь». «В этой повести я живописую фабричную жизнь и трактую о том, какая она печальная, и только вчера узнал, что «Жизнь» орган марксистский, фабричный. Как же теперь быть». Это все очень характерно: в 1900 году, — в пору довольно широкой популяризации идей марксизма в среде русской интеллигенции, Чехов наивно полагает, что в марксистском журнале нельзя говорить о печальных сторонах фабричной жизни!

В неизданных письмах к И. И. Ясинскому, А. И. Урусову и П. В. Безобразову и Л. А. Толстому значительного ничего нет. Несомненно, что наибольшую ценность сборника составляет библиографический список сочинений Чехова (1880—1904 гг.) М. П. Кленского. Это самая полная из всех существующих библиографий сочинений Чехова. Она будет отныне неизменным пособием для всех, Чеховым занимающихся. Ценность ее увеличивается еще тем, что Кленский, не ограничиваясь ссылками на все издания, в которых произведения Чехова печатались, указывает на их редакционные варианты. Но разумеется, что при самой тщательной работе возможны пропуски, есть они и у Кленского. Так, мы заметили: 1) В указателе произведений, появившихся за 1889 год, не упомянут фельетон — в диалогической форме «Конская смерть» («Новое Время», 22 апреля, № 4721); 2) в перечне произведений 1887 года нет указаний на напечатанный в журнале «Сезон» драматический этюд «Калхас». В анотации, относящейся к рассказу «В море» (журнал «Мирской

Толк», № 40 за 1883 год) не упомянуто, что этот рассказ, под названием «Ночью», напечатан в альманахе «Северные Цветы» за 1881 год, когда он и был принят за новый чеховский рассказ и, притом, рассказ символический!

Но, повторяю работа Кленского — целое событие в чеховской литературе.

Юр. Соболев.